

Н. СТРУВЕ

Бог Ахматовой

Заключительное слово на Парижском
международном симпозиуме

Разговоры об искусстве, наказывал Мандельштам, должны отличаться величайшей сдержанностью. Этот завет еще больше применим к разговорам о связи религии и творчества, о духовном мире писателя: сдержанность здесь должна быть максимальной, поскольку религия принадлежит к сокровенной и последней глубине каждой личности: не «privatsache», а нечто, с большим трудом поддающееся адекватному выражению. Сдержанности, по-французски *puideur*, в религиозной области придерживалась, как я думаю, и сама Ахматова. В многочисленных записях бесед с нею религиозные мотивы занимают совсем скромное место, и это не только по вине собеседников. Ахматова в беседах не раскрывала этой стороны своей души. В Лондоне, со свойственной ей прямоотой, Татьяна Сергеевна Франк (вдова философа) — передаю это с ее слов — хотела спровоцировать Ахматову на религиозный разговор (верующая ли вы?), но вполне безуспешно. Ахматова ее переадресовала к... Пастернаку, мол, он все эти вещи знает куда лучше, чем я.

Однако величайшая сдержанность не означает молчание, а еще менее замалчивание. Доказывать, что Ахматова была христианским поэтом, не приходится. Слишком явна христианская тональность ее поэзии, слишком отчетливы свидетельства о ней или ее собственные, хотя и редкие, высказывания. Напомню кратко известное «утешительное» письмо Пастернака 1940 года, в котором он называет ее «истинной христианкой». Или ее же ответ на вопрос театрального критика Виленкина, верит ли она в Иисуса Христа не только как в историческую личность. — «Разумеется, как и все более или менее интеллигент-

ные люди...» (Сколько в этом «более или менее» великолепного презрения к бескультурному безбожию XX века). Или недвусмысленное высказывание в разговоре с С. К. Островской: «И теософию, и антропософию не люблю... все это мне чуждо. Я, как православная христианка, отрицаю это, осуждаю и не понимаю».

Наиболее подчеркнуто, недостаточно сдержанно, о христианстве Ахматовой высказался Чуковский в статье 1923 года (недавно перепечатанной в «Вопросах литературы, 1988, № 1): он назвал Ахматову «последним и единственным поэтом православия». Формулировка Чуковского мне представляется слишком лобовой, катафатической. Если уж искать определение, я бы сказал, спровоцированный неправомерным уничижительным суждением профессора Нива («У Ахматовой — барочная душа»), что у Ахматовой «православная душа». Это словосочетание она сама употребила в стихотворении-отповеди покинувшему Россию Б. Анрепу:

Так теперь и кощунствуй, и чванься,
Православную душу губи,
В королевской столице останься
И свободу свою полюби.

Да, у Ахматовой была *anima naturaliter Christiana** и даже точнее *ortodossa*. У нее, и в этом ее исключительность, не было эволюции в религиозных взглядах. Она не стала христианкой, она ею неизменно была всю жизнь. Всем известно, что Пушкин от вольтерьянства постепенно подошел к умудренному религиозному мировосприятию; что Баратынский оставался «дитей и страсти и сомненья»; что Тютчев от языческой натурфилософии обратился под воздействием Елены Денисьевой к христианству и т. д. Примеры эти можно умножить. Одна Ахматова, от начала своего творческого пути и до конца своих дней, до последних предсмертных записей (она умерла на первой неделе Великого поста, вспомнив о том, как в детстве отмечался Чистый понедельник, а последнее, проставленное ею на земле слово было о первохристианских мучениках), оставалась в спокойной, непоколебимо-твердой вере-уверенности в Того,

Кого когда-то называли люди
Царем в насмешку. Богом в самом деле,
Кто был убит и чье орудье казни
Согрето теплотой моей груди...

* душа истинной христианки (лат.). — Ред.

Такого исповедания христианской веры, заодно отточенно-объективного и сугубо-личностного, в русской поэзии еще не было.

«Бог на груди Ахматовой». Позвольте этим лаконичным определением заключить и вступление к моему, за неимением времени, непрочитанному докладу, и наш симпозиум, перед тем, как мы поедем молиться за упокой ее души.

Как сказала Ахматова о ленинградцах, погибших во время блокады: Для Бога мертвых нет*.

---

* Ввиду непроходимости Божьего имени в те времена цензура или сама Ахматова заменили «Бога» на «славу».